

***ИВАЩЕНКО Елена Геннадьевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики Амурского государственного университета (г. Благовещенск). Автор 49 научных публикаций**

ЭВОЛЮЦИЯ СТИХОВОГО НАЧАЛА В ПРОЗЕ Б. ПАСТЕРНАКА 1910–1930-х годов

В статье рассматривается эволюция стихового начала в малой прозе Б. Пастернака. Ранние прозаические произведения писателя («Апеллесова черта», «Письма из Тулы», «Детство Люверс», «Воздушные пути» и др.) являются результатом своеобразного перевода стихотворных образов в прозаическую плоскость, приводящего к повышенной метафоризации текста. Тропеические образования здесь представлены в большом количестве, поэтому текст воспринимается вертикально (происходит углубление в подтексты), а не горизонтально, что характерно для стихотворного произведения. Эффект усиливают усложненность синтаксических структур, своеобразная ритмизация, а также ослабленная сюжетность. Б. Пастернак «употребляет прозу как стихотворство» (А.С. Пушкин), отказываясь от ее характерных свойств: точности, ясности, упрощения выразительных средств, т. е. от экономии художественной энергии. К началу 30-х годов XX века проза Пастернака начинает освобождаться от элементов стиховности. Писатель предпринимает попытку создания дихотомии, включающей прозаическую «Повесть» и роман в стихах «Спекторский». «Повесть» в отличие от «Спекторского» не была завершена. Призванная воплотить эпический масштаб происходящих событий, она в конечном итоге свелась к описанию внутренних ощущений главного героя, что свойственно сюжету стихотворного произведения. В «Охранной грамоте» и «Записках Патрика» изменения в поэтике становятся ощутимыми: на смену описательности приходит динамизм, упрощаются синтаксические конструкции. И все же прозаические произведения Пастернака до 40-х годов XX века отличаются высокой степенью «стихоподобия». Анализ приведенных в статье многочисленных высказываний писателя о природе и сущности стихотворных и прозаических текстов подтверждает основные положения работы.

Ключевые слова: *Б. Пастернак, проза Б. Пастернака, проза поэта, стиховое начало, метафоризация прозы, ритмизация прозы.*

*Адрес: 675000, Амурская обл., г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, д. 21, корп. 7; e-mail: eivaschenko@mail.ru

Для цитирования: Иващенко Е.Г. Эволюция стихового начала в прозе Б. Пастернака 1910–1930-х годов // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 4. С. 91–97. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.4.91

Проза Б. Пастернака – явление особого рода. Насколько легко давалось ему создание стиха (будь то оригинальное творчество или переводы), настолько тяжело шла работа над прозой. Р. Якобсон еще в 1935 году определил прозу Пастернака как «вторично приобретенный язык», и данное представление закрепилось в литературоведении [1]. Несмотря на сложности, на протяжении всего творческого пути писатель не отказывался от этой формы словесного выражения.

Следует отметить, что стиховность прозы Б. Пастернака уже становилась предметом научного осмысления. Одним из первых данную проблему поднял Р. Якобсон, заметивший, что «проза Пастернака – проза поэта, принадлежащего великой поэтической эпохе: все ее свойства – отсюда» [1, с. 324]. В работе Ю. Орлицкого была рассмотрена специфика стихопроезаических экспериментов в романе «Доктор Живаго» [2, с. 573–597]. В монографии Н. Фатеевой акцент сделан на изучении метатропов [3]. Интересные суждения о процессе работы над стихом и прозой можно найти в книге Е. Пастернака¹ и статье Д. Лихачева [4]. В данном исследовании мы предполагаем раскрыть динамику стихового начала в прозе писателя 1910–30-х годов XX века, не изучавшуюся ранее.

Пастернак брался за прозу неоднократно, но только некоторые произведения доводил до печати, притом многие из опубликованных текстов являлись лишь частью первоначального замысла. «Апеллесова черта» – первое завершённое прозаическое произведение – должно было открывать книгу прозы, но этот замысел остался неосуществленным. «Детство Люверс», «Повесть», «Записки Патрика» также планировались как части больших прозаических полотен, но опубликованы были только их фрагменты.

Эта ситуация подтолкнула Б. Пастернака к размышлениям о природе стихотворного и прозаического текстов. Одно из первых высказываний о сущности стиха и прозы сформулировано писателем в 1918 году в работе «Несколько положений»: «Неотделимые друг от друга поэзия и проза – полюса... Начала эти не существуют отдельно»². При этом исходной точкой при создании прозы для Пастернака всегда был стих. В 1947 году он признавался: «В области слова я больше всего люблю прозу, а вот писал больше всего стихи. Стихотворение относительно прозы – это то же, что этюд относительно картины. Поэзия мне представляется большим литературным этюдником»³.

Следующее заявление писателя еще больше раскрывает сущность его творческого процесса: «Прямая формулировка и метафора – не противоположности, а разновременные стадии развития мысли, ранней, мгновенно родившейся и еще не проясненной в метафоре, и отлежавшейся, определившей свой смысл и только совершенствующей свое выражение в неметафорическом утверждении»⁴.

Данные высказывания позволяют предположить, что писателю было свойственно метафорическое, а значит, стихоподобное мышление. Р. Якобсон подчеркивал: «...метафора для поэзии и метонимия для прозы – это пути наименьшего сопротивления для этих областей словесного искусства...» [5, с. 132]. В случае Пастернака проза выступала как вторичный творческий продукт, как результат «перевода» метафорических образов в прозаическую плоскость. Эта особенность стала своеобразным препятствием, зачастую не позволяющим реализовать прозаические интенции в полной мере.

Первые прозаические опыты Б. Пастернака пришлись на 10-е годы XX века. К периоду с 1910 по 1912 год относится большое количество

¹Пастернак Е.Б. Борис Пастернак: Материалы для биографии. М., 1989. 688 с.

²Пастернак Б. Несколько положений // Пастернак Б. Полн. собр. соч.: в 11 т. М., 2004. Т. 5. С. 26.

³Пастернак Б. Несколько слов перед чтением первых глав «Доктора Живаго» // Пастернак Б. Указ. соч. Т. 5. С. 467.

⁴Пастернак Е.Б. Указ. соч. С. 562.

незаконченных прозаических фрагментов, которые в 11-томнике писателя выделены в особую группу, получившую название «Первые опыты». Общее количество текстов – 45, их объем – от 6 строк до 11 страниц, что свидетельствует о многократных попытках Пастернака освоить неподдающуюся форму.

Первое законченное прозаическое произведение – «Апеллесова черта» – датировано лишь 1915 годом (опубликована новелла в 1918 году во временнике «Знамя труда»). Следует отметить, что к этому моменту писатель весьма успешно дебютировал со стихотворными произведениями, что ставит под вопрос органичность для него прозаической формы словесного выражения. К тому же «Апеллесову черту» отличает особая усложненность, создаваемая стиховыми приемами, в частности тотальной тропеизацией и ритмизацией: «Пизанская косая башня прорвалась сквозь цепь средневековых укреплений. На улице число людей, выдавших ее с моста, ежеминутно возрастало. Зарева, как партизаны, ползли по площадям. Улицы запружались опрокинутыми теньями, иные еще рубились в тесных проходах. Пизанская башня косила наотмашь, без разбору, пока одна шальная исполинская тень не прошла по солнцу... День оборвался»⁵.

Тропеические образования присутствуют в большом количестве, потому текст начинает восприниматься не по горизонтали, а по вертикали, вглубь: при чтении внимание сосредотачивается на словесных образах, а не на динамике действия. Чтобы продолжить, читатель должен остановиться, вдуматься в смысл, возможно, перечитать текст. Такой характер развертывания образов больше свойственен стихотворному произведению, где «единство и теснота» стихового ряда заставляют читателя углубляться в подтексты [6]. Стиховое начало

в новелле также проявляется в наличии следующих приемов: «случайные» метры, единоначалие, звуковые повторы.

Говоря словами Пушкина, Пастернак «употреблял прозу как стихотворство»⁶, отказываясь от типичных для нее особенностей: сюжетности, устремленности к развязке, а также от упрощения выразительных средств.

Вторая половина 1910-х годов также была отмечена попытками создать прозаическое целое. «Был странный год» (1916), «История одной контроктавы» (1917), «Диалог» (1917), «Вторая картина. Петербург» (1917–1918), «Безлюбье. Глава из повести» (1918) – тексты, которые Пастернак не закончил. Опубликованные «Письма из Тулы» (1918) и «Детство Люверс» (1918) должны были стать частями более крупных прозаических произведений.

В письме к С.П. Боброву от 1916 года Пастернак замечал: «С той весны, как я написал “Апеллеса”, я сделал не одну попытку прозой заняться, клонясь в сторону техничности. И не в силу ли этого остались они бесплодны?»⁷ Что подразумевал Пастернак под «техничностью»? Думается, речь идет о внимании к формальной стороне текста, о попытке совместить динамику прозы со стихотворной усложненностью.

Впрочем, в «Письмах из Тулы» изменения поэтики фактически незаметны. По степени насыщенности метафорическими конструкциями «Письма» не уступают «Апеллесовой черте»: «На воле заливались жаворонки, и в поезде, шедшем из Москвы, везли задыхавшееся солнце на множестве полосатых диванов. Оно садилось. Мост с надписью “Упа” поплыл по сотне окошек в ту самую минуту, как кочегару, летевшему впереди состава на тендере, открылся шум его собственных волос и в свежести вечернего возбуждения, в стороне от путей, быстро несшийся навстречу город»⁸.

⁵Пастернак Б. Апеллесова черта // Пастернак Б. Указ. соч. Т. 3. С. 6.

⁶Пушкин А.С. Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям» // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л., 1978. Т. VII. С. 46.

⁷Пастернак Б. С.П. Боброву // Пастернак Б. Указ. соч. Т. 7. С. 299.

⁸Пастернак Б. Письма из Тулы // Пастернак Б. Указ. соч. Т. 3. С. 26.

Этот текст, как и «Апеллесова черта», загроможден образами, вытекающими один из другого непрерывно. Стиховой ритм, создаваемый словесными повторами, «случайными» метрами, ярко выражен. Более того, в тексте появляется дробление на небольшие по объему абзацы, имитирующие стихотворные строфы, многие из которых обладают определенной смысловой и образной завершенностью, «единством и теснотой» стихового ряда, а пробелы между абзацами усиливают это впечатление.

В «Детстве Люверс», одном из самых известных прозаических произведений Пастернака тех лет, присутствует попытка освободить прозу от стиховых интенций, упростить ее стиль. В поток предложений, перенасыщенных тропами, начинают включаться легкие прозаические конструкции, что свидетельствует о смене повествовательных стратегий: «Лето прошло. Экзамены сданы были успешно, а иные и превосходно. Лился, как из ключей, холодный, прозрачный шум коридоров. Тут все знали друг друга. Желтел и золотился лист в саду. В его светлом пляшущем отблеске маялись классные стекла. Матовые вполтину, они туманились и волновались низами. Форточки сводило синей судорогой. Их студеную ясность бороздили бронзовые ветки кленов»⁹.

Можно утверждать, что Пастернак ступает на путь отказа от усложненности, вызванной стиховностью прозы, вырабатывает новый способ письма. Впрочем, изменения эти едва заметны. Позже, характеризуя «Детство Люверс», он скажет: «К сожалению, книга испорчена ненужною манерностью, общим грехом тех лет»¹⁰.

В 1920-е годы писатель реже обращается к прозе. В 1924 году Пастернак пишет «Воздушные пути», в 1929-м – «Повесть». К неопубликованным произведениям относятся «Три главы из повести», датированные 1922 годом. Анализ

произведений показывает, что если в начале десятилетия Пастернак оставался в рамках наработанных приемов, то к концу 1920-х годов его поэтика значительно изменилась. Вот как, например, начинаются «Воздушные пути»: «Под вековой шелковицею спала нянька, прислонившись к ее стволу. Когда огромная лиловая туча, встав на краю дороги, заставила умолкнуть и кузнечиков, знойно трещавших в траве, а в лагерях вздохнули и оттрепетали барабаны, у земли потемнело в глазах и на свете не стало жизни»¹¹. Здесь опять можно наблюдать обилие конструкций, где один образ налагается на другой, присутствуют «случайные» метры и звукоподражание, создающие эффект стиховности. Более того, все произведение строится на развертывании метафоры «воздушных путей», которая является стержневой в тексте.

А вот в «Повести», созданной 5 лет спустя, картина существенно меняется, что очевидно с первых строк: «В начале 1916 года Сережа приехал к сестре в Соликамск. Вот уже десять лет передо мною носятся разрозненные части этой повести, и в начале революции кое-что попало в печать»¹². Подобное начало указывает на сугубо прозаическую природу текста. В целом он лаконичен и динамичен, сосредотачивает внимание читателя на действии, а не на формальных изысках, хотя избавиться от ослабленной сюжетной нарративности, метафоризации и ритмизации полностью писателю не удастся. И это несмотря на то, что «Повесть» задумывалась как часть диалогии, включающей стихотворный и прозаический тексты: роман в стихах «Спекторский» и прозаическую «Повесть».

В отличие от «Спекторского» «Повесть» так и не была закончена. Несмотря на старания автора, в ней, как и в предыдущих прозаических произведениях, на первый план вышла лирическая стихия: событийность уступила место размышлениям и описаниям внутренних переживаний главного героя.

⁹Пастернак Б. Детство Люверс // Пастернак Б. Указ. соч. Т. 3. С. 52.

¹⁰Пастернак Б. Люди и положения // Пастернак Б. Указ. соч. Т. 3. С. 295.

¹¹Пастернак Б. Воздушные пути // Пастернак Б. Указ. соч. Т. 3. С. 86.

¹²Пастернак Б. Повесть // Пастернак Б. Указ. соч. Т. 3. С. 98.

Попытка развести две формы словесного выражения в рамках единого целого оказалась неудачной. Интересно, что при этом стих воспринимался автором как некий несамодостаточный элемент: «Часть фабулы в романе, приходящуюся на военные годы и революцию, я отдал прозе, потому что характеристики и формулировки, в этой части всего более обязательные и разумеющиеся, стиху не под силу»¹³. Очевидно, что Пастернак ставил прозу по значимости выше стиха. Он относился к прозе как человек, которому она не дается, а потому кажется особенно привлекательной. Д. Лихачев назвал прозу Пастернака «подстрочником-переводом стихотворного текста» [4, с. 394], но, как представляется, в процессе создания текстов у Пастернака именно стих являлся «подстрочником» прозы.

1930-е годы отмечены двумя прозаическими произведениями – автобиографической «Охранной грамотой» и «Записками Патрика». В это время Пастернак много размышлял о природе прозы, искал новые художественные формы, не единожды упоминая о стремлении к идеальному, «незаметному» стилю. В 1934 году в письме к О. Фрейденберг Пастернак озвучил свое желание: «Написать бы наконец впервые что-нибудь стоящее, человеческое, прозой, серо, скучно и скромно, что-нибудь большое, питательное»¹⁴. В разговоре с чешским поэтом В. Незвалом в 1935 году он признавался: «...хочу написать книгу в прозе о том, как худо мне было, предельно простую, реалистическую. Понимаете, иногда необходимо заставить себя и встать на голову. Совершенно простую»¹⁵. Все эти высказывания свидетельствуют об одном: Пастернак в прозе искал иную стилевую манеру, свободную от стиховых элементов.

Обратимся к «Запискам Патрика», датированным 1936 годом. Пастернак мечтал о романе, но, как и в случае с предшествующими

произведениями, в печати появились только отдельные фрагменты. Л. Флейшман писал: «Отличительная черта “Записок Патрика” – предельная простота, нарочитая незаметность, нивелированность повествовательной манеры. Чем более неприемлемой для советского окружения была система убеждений и ценностей поэта, тем большей прозрачности выражения требовала такая несовместимость с официальными нормами» [7, с. 45–46].

Как представляется, «нивелированность повествовательной манеры» была порождена не только «несовместимостью с официальными нормами», но и поисками нового стиля в прозе. Это подтверждают приведенные выше высказывания Пастернака. Да и «прозрачность выражения» в «Записках Патрика» весьма условна. Она явственно ощущается, если сопоставить это произведение с текстами Пастернака 1910-х годов. В сравнении же с традиционной прозой оно выглядит усложненным, перенасыщенным элементами стиховности.

Динамика действия в «Записках Патрика» ослаблена, поскольку большую часть повествования занимает описание природных явлений и обстановки, а также рассуждения рассказчика, поданные в форме воспоминаний. Несмотря на то, что объем печатного текста равен 56 страницам и оно разделено на 6 частей, действие не продвинулось дальше завязки. На развитие любовной истории, которая, как можно предположить, должна была стать одним из ведущих мотивов, дан только намек. Подобная описательность, отсутствие сюжетно-фабульного развертывания – свойство скорее лирической поэзии, чем прозы. Интенсивность использования тропов в тексте снизилась, образы стали реалистичнее, упростились синтаксические конструкции, уменьшилось количество словесных повторов, что привело к доминированию прозаического, а не стихового ритма.

¹³Пастернак Б. Писатели о себе // Пастернак Б. Указ. соч.. Т. 5. С. 223.

¹⁴Переписка Бориса Пастернака. М., 1990. С. 143.

¹⁵Пастернак Е.Б. Борис Пастернак. Биография. М., 1997. URL: <http://pasternak.niv.ru/pasternak/bio/pasternak-e-b/biografiya-6-5.htm> (дата обращения: 03.08.2016).

Можно констатировать, что «Записки Пастриха» – произведение переходного периода. В нем много признаков старой повествовательной манеры, но уже появились черты стиля, которые позже в полной мере будут реализованы в «Докторе Живаго» и «Людах и положениях».

В очерке «Люди и положения», датированном 1956 годом, Пастернак замечал: «Я не люблю своего стиля до 1940 года... Мне чужд общий тогдашний распад форм, оскудение мысли, засоренный и неровный слог»¹⁶. Действительно, вторая половина 40-х годов оказалась для Пастернака более плодотворной. Он приступил к работе над романом «Доктор Живаго» и довел задуманное до конца. В 1956–1957 годах была написана автобиография «Люди и положения», ставшая итоговым прозаическим произведением писателя. Поэтика этих двух разных текстов свидетельствует о том, что писатель нашел свой путь в прозе: стихи стали ее составной частью, при этом не растворились в прозаическом потоке, а выступили самостоятельным, легко изымаемым элементом.

В письме к О. Фрейденберг от 20 марта 1954 года Пастернак писал: «В апрельском номере журнала “Знамя” собираются напечатать десять моих стихотворений из романа “Живаго”, в большинстве написанных в этом году. Я их читаю в гостях, они мне приносят одну радость. Их могло бы быть не десять, а двадцать или тридцать, если бы я позволял себе их писать. Но писать их гораздо легче, чем прозу, а только проза приближает меня к той идее безусловного, которая поддерживает меня и включает в себя и мою жизнь, и нормы поведения и прочее и прочее, и создает то внутреннее душевное построение, в одном из ярусов которого может поместиться бессмысленное и постыдное без этого стихописание. Мне не терпится освободиться поскорее от этого прозаического ярама для более мне доступной и полнее меня выражающей области»¹⁷.

Это высказывание подтверждает, что писателю удалось «сломить сопротивление» стиха, подчинить его своей воле и при этом осознать, что именно стихи, а не проза, являлись для него органичной формой выражения.

Список литературы

1. *Якобсон Р.* Заметки о прозе поэта Пастернака // *Якобсон Р.* Работы по поэтике. М., 1987. С. 324–338.
2. *Орлицкий Ю.Б.* Динамика стиха и прозы в русской словесности. М., 2008. 243 с.
3. *Фатеева Н.А.* Поэт и проза: книга о Пастернаке. М., 2003. 400 с.
4. *Лихачев Д.С.* Борис Леонидович Пастернак. Жизнь // *Лихачев Д.С.* Избранные работы: в 3 т. Л., 1987. Т. 3. С. 372–398.
5. *Якобсон Р.* Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // *Теория метафоры / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой.* М., 1990. С. 110–132.
6. *Тынянов Ю.Н.* Проблема стихотворного языка. М., 2004. 176 с.
7. *Флейшман Л.С.* Свободная субъективность // *Пастернак Б.* Полн. собр. соч.: в 11 т. М., 2003. Т. I. С. 5–60.

References

1. *Yakobson R.* Zаметki o proze poeta Pasternaka [Marginal Notes on the Prose of the Poet Pasternak]. *Yakobson R. Raboty po poetike* [Works on Poetics]. Moscow, 1987, pp. 324–338.
2. *Orlitskiy Yu.B.* *Dinamika stikha i prozy v russkoy slovesnosti* [Dynamics of Verse and Prose in Russian Literature]. Moscow, 2008. 243 p.

¹⁶Пастернак Б. Люди и положения. С. 327.

¹⁷Переписка Бориса Пастернака. С. 277.

3. Fateeva N.A. *Poet i proza: kniga o Pasternake* [Poet and Prose: A Book About Pasternak]. Moscow, 2003. 400 p.
4. Likhachev D.S. Boris Leonidovich Pasternak. *Zhizn'* [Boris Leonidovich Pasternak. His Life]. Likhachev D.S. *Izbrannye raboty: v 3 t.* [Selected Works: In 3 Vols.]. Leningrad, 1987. Vol. 3, pp. 372–398.
5. Yakobson R. Dva aspekta yazyka i dva tipa afaticheskikh narusheniy [Two Aspects of Language and Two Types of Aphasic Disorders]. Arutyunova N.D. (comp.) *Teoriya metafor* [The Theory of Metaphor]. Moscow, 1990, pp. 110–132.
6. Tynyaynov Yu.N. *Problema stikhotvornogo yazyka* [The Problem of Poetic Language]. Moscow, 2004. 176 p.
7. Fleyshman L.S. Svobodnaya sub'ektivnost' [Free Subjectivity]. Pasternak B. *Poln. sobr. soch.: v 11 t.* [Collected Works: In 11 Vols.]. Moscow, 2003. Vol. 1, pp. 5–60.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.4.91

Elena G. Ivashchenko

Amur State University;
Ignat'evskoe shosse 21, korp. 7, Blagoveshchensk, 675000, Amurskaya obl., Russian Federation;
e-mail: eivaschenko@mail.ru

THE EVOLUTION OF POETIC NATURE IN PASTERNAK'S PROSE OF THE 1910s – 1930s

The article deals with the evolution of poetic nature in Boris Pasternak's flash fiction. His early prose ("Apelles' Line", "Letters from Tula", "The Childhood of Lovers", "Aerial Ways", etc.) is a result of a certain transformation of poetic images into the prosaic plane, increasing the metaphorization of the text. Tropes are represented in these works in such numbers that the text is perceived vertically (the reader has to go deeper into subtexts), rather than horizontally, which is characteristic of poetic works. This effect is enhanced by complex syntactic structures, a peculiar rhythm, and a diluted plot. Pasternak "uses prose as poetry" (A.S. Pushkin), leaving out its characteristic features: accuracy, clarity and simpler means of expression, all of which are meant to save artistic energy. By the early 1930s, Pasternak's prose is starting to lose some poetic elements. He attempts to create a dichotomy including the prosaic "Novella" and the novel in verse *Spektorsky*. "Novella", unlike *Spektorsky*, was never finished. It was supposed to embody the epic scale of the unfolding events, but, in the end, it came down to describing the inner feelings of the protagonist, which is characteristic of poetic works. In "Safe Conduct" and *Patrick's Notes*, the changes in poetics become perceptible: descriptiveness is replaced by dynamism, syntactic constructions are simplified. Yet, up to the 1940s, Pasternak's prose remains to a high degree poetry-like. The analysis of Pasternak's numerous, and cited here, statements about the nature and essence of poetic and prose works confirms the main points of the article.

Keywords: *Boris Pasternak, Pasternak's prose, poet's prose, poetic nature, prose metaphorization, prose rhythmization.*

Поступила: 04.08.2016
Received: 4 August 2016

For citation: Ivashchenko E.G. The Evolution of Poetic Nature in Pasternak's Prose of the 1910s – 1930s. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 4, pp. 91–97. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2017.4.91